

БЕССМЫСЛЕННАЯ ГОНКА. РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ ПРОИГРЫВАЮТ ЕЩЕ НА СТАРТЕ. НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА № 3(2017)

20.01.2017

Профессор кафедр математических наук и подготовки учителей Техасского университета (Эль Пасо, США) Мурат Чошанов уже знаком постоянным читателям "Поиска". В первом интервью нашей газете (№15, 2013) он рассказывал, как образовательная реформа поссорила американских математиков. Сегодня ученый делится своим видением реформ российских...

Догнать и перегнать

Во время прошлогодней поездки в Россию я встретился со своими бывшими коллегами из одного федерального университета, и разговор зашел о "несладкой жизни" профессуры. Мои коллеги с горечью говорили о том, что поставлены в сложные условия: возрастают требования к публикационной активности, а вместе с ними увеличивается и учебная нагрузка при практически замороженной зарплате. Университетская администрация оправдывает "нововведения" желанием "догнать и перегнать всех и вся" в рейтингах лучших университетов мира...

Как известно, в ответ на майские указы Президента РФ в 2012 году была принята государственная программа "Развитие науки и технологий". В качестве одного из ключевых индикаторов выполнения этой программы Минобрнауки определило число публикаций российских авторов в научных журналах, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science. Следует признать, что цель программы достаточно прогрессивная, учитывая тот факт, что начиная с 1990-х в силу определенных причин российская наука стала терять свои позиции в мире. Однако, на мой взгляд, средства достижения цели были выбраны не вполне удачно.

Не претендуя на глубокий анализ ситуации, хотел бы поделиться некоторыми личными наблюдениями о простейших ее составляющих, а также о последствиях реализации программы, которой в этом году исполнится пять лет, в российских вузах.

Правило 40-40-20

Как известно, ломать - не строить. Резкий и во многом непродуманный переход от устоявшейся годами советской модели "ВУЗ-НИИ" (с четким разделением приоритетов: вузы, в основном, обеспечивали высшее образование, а НИИ продвигали науку) к западной (вуз выполняет обе функции) пока не оправдывает тех надежд, которые были возложены на эту реформу.

Переход на новую модель логично было бы начать с соответствующих изменений в структуре нагрузки преподавателя российского вуза. Однако российские коллеги сетуют, что большую часть времени они по-прежнему тратят на учебную работу, а все остальное - "как получится".

Для сравнения приведу в качестве примера структуру нагрузки профессорско-преподавательского состава (ППС) в системе техасских университетов, где я работаю уже

17-й год. Она, кстати, в той или иной модификации принята практически во всех американских университетах и условно называется "40-40-20". Уточню, что речь идет о профессорах, работающих на полную ставку. Это assistant professor (российский аналог - старший преподаватель со степенью), associate professor (доцент) и full professor (профессор).

Итак, согласно правилу "40-40-20", общая нагрузка профессора американского университета разделена на три основные части: учебная (teaching) - 40%, научно-исследовательская (research) - 40% и общественная (service) - 20%. Учебная нагрузка включает в себя как аудиторную (лекции, семинары, практические и лабораторные занятия), так и внеаудиторную нагрузку (руководство самостоятельной работой студентов, взаимодействие с магистрантами и докторантами), а также консультирование (office hours). В учебной нагрузке незримо присутствует также время на подготовку к занятиям и проверку работ студентов.

Научно-исследовательская деятельность включает в себя проведение исследований, получение грантов и их исполнение, публикационную активность, участие в конференциях и т.п.

Общественная нагрузка предполагает активность в различных комиссиях (на уровне кафедры, факультета, университета), участие в заседаниях кафедры и факультета, членство в редколлегиях журналов, рецензирование статей и прочее.

Несмотря на то что преподавательская работа, в принципе, считается ненормированной, в американских университетах существует негласный консенсус по поводу продолжительности рабочей недели: 40 часов. Таким образом, если считать, что полная рабочая неделя составляет 40 часов, то учебная нагрузка займет 16 часов (40%), научно-исследовательская деятельность - 16 часов (40%), общественная работа - 8 часов (20%) в неделю.

Российские коллеги неприятно удивили меня, рассказав, что в последние годы учебная нагрузка в университетах РФ неуклонно растет. Мое удивление было связано с тем, что, когда я уезжал в США (конец 1990-х), она была равна 720 часам в год и в нее, как правило, входили и часы за руководство самостоятельной работой студентов, а также руководство курсовыми и дипломными работами. Но, увы, с тех пор утекло много воды...

Оказывается, в настоящее время в некоторых российских университетах эта нагрузка составляет 800-950 часов в год (речь идет об одной полной ставке). Причем основная часть приходится на аудиторные часы. По возвращении я перепроверил эти данные... Действительно, на официальном сайте Минобрнауки РФ нетрудно найти доклад бывшего директора Департамента стратегии, анализа и прогноза Г.Андрющака "Оплата труда профессорско-преподавательского состава в вузах Минобрнауки России", сделанный в декабре 2015 года, из которого следует, что средняя аудиторная нагрузка (в часах в неделю) ППС российских вузов постоянно растет. Если в 2006 году она составляла 16,3 часа в неделю, то в 2012-м - 17,6, а в 2014-м - 21,2! Если приплюсовать внеаудиторную нагрузку и время для подготовки к занятиям, то получится, как и говорили мои коллеги, что большая часть общей нагрузки (около 30 часов из 40-часовой рабочей недели, или 75% времени) российского преподавателя приходится на учебную работу.

Возникает естественный вопрос: где же российскому профессору найти время на научную деятельность? Как ему тягаться за место под солнцем во всевозможных рейтингах с американскими и прочими западными профессорами, у которых учебная нагрузка не отнимает более 40% трудового времени?

Для сравнения: максимальная, подчеркиваю, максимальная, суммарная аудиторная и внеаудиторная нагрузка профессора (включая самый низший ранг - assistant professor) в американском университете в два с лишним раза (!) ниже аудиторной нагрузки российского коллеги и составляет порядка 9 часов в неделю, еще 7 часов (оставшиеся от суммарных 16)

отводятся на подготовку к занятиям, проверку студенческих работ и консультации (office hours).

Средняя аудиторная нагрузка и средняя зарплата российского и американского преподавателя		
	Средняя аудиторная нагрузка в неделю (в часах)	Средняя заработная плата в месяц (в долларах)
РФ	21,2	817
США¹	9,0	9023

¹Для американского преподавателя в таблице указана средняя суммарная аудиторная и внеаудиторная нагрузка.

Деньги - в мусор!

Российские коллеги также признались мне, что многие преподаватели вынуждены дополнительно подрабатывать в двух-трех местах, чтобы обеспечить своей семье более-менее достойное существование, поскольку при ощутимом в последние годы росте цен их зарплата практически заморожена. Данные Минобрнауки РФ (см. упоминавшийся доклад) говорят о том, что в 2014 и 2015 годах средняя по стране зарплата профессорско-преподавательского состава российских вузов составляла 47 000-49 000 рублей (примерно 817 долларов на момент написания статьи) в месяц. Причем она заметно варьировалась между отдельными университетами даже в пределах одного региона от 17 000 до 65 000 рублей.

В то же время, учитывая уровень зарплаты профессора в американских университетах (в среднем по США она составляет 9023 доллара: https://www.higheredjobs.com/documents/salary/category_affiliation_rank_16.pdf), ему нет необходимости подрабатывать в других местах. Что опять-таки увеличивает “шансы” западного профессора вырваться вперед в пресловутой гонке за рейтингами.

Таким образом, даже беглый анализ (см. таблицу) двух базовых факторов (нагрузка и зарплата) говорит о том, что в России явно погорячились, вступив в бессмысленное состязание, не обеспечив сравнимые (с зарубежными) стартовые условия для российских преподавателей.

Последствия очевидны. Российский профессор находится между двух огней: с одной стороны, с него требуют публикаций в престижных научных журналах, а с другой - ему некогда заниматься наукой. Остается изворачиваться и находить самый легкий выход из ситуации - публиковаться в так называемых “мусорных” журналах, не предъявляющих никаких требований к качеству статей. Ведь чем серьезнее журнал, тем жестче и многоэтапнее процесс рецензирования, который может занимать от года до двух лет. А когда менталитет российского преподавателя настроен на гонку, времени на ожидание не остается. И “мусорные” журналы с этой точки зрения очень удобны: они публикуют статьи за плату в достаточно короткие сроки без рецензирования и закрывая глаза на качество. На Западе “засветиться” в такого рода изданиях означает основательно подмочить свою репутацию.

Публикация же в престижных научных журналах - задача чрезвычайно сложная. Для этого нужны серьезные, качественные и прорывные научные исследования, для которых у российского преподавателя в сложившихся условиях, к сожалению, не хватает времени.

Вот и получается, что миллиарды рублей, выделенных на Проект 5-100 Минобрнауки, рискуют оказаться в прямом смысле в “мусорной корзине”!

При этом в погоне за пресловутыми рейтингами российские вузы продолжают отставать по показателю “доля цитирования на преподавателя”. Большинство российских вузов (86%) из рейтинга лучших университетов мира QS-2016 снизили результаты по количеству цитирования. Увы, причины прозрачны: никто не собирается читать и ссылаться на статьи из “мусорных” журналов.

Уроки и упреки

Из этой ситуации, на мой взгляд, можно извлечь несколько важных уроков.

Урок первый. У американцев есть пословица “Don't touch, if it doesn't leak” (дословно “не трогай, если не течет”), которая, как мне кажется, уместна в случае с отказом от модели “ВУЗ-НИИ”, показавшей свою работоспособность на протяжении долгого времени. Стоило ли ее менять на другую, эффективность которой вызывает определенные сомнения? Если уж для этого нашлись весомые аргументы, нужно было в деталях проработать новую инфраструктуру и систему поддержки профессорско-преподавательского состава российских вузов в новых условиях, включая вопросы организационного и финансового обеспечения новой модели. Тем более что, втянув российские вузы в гонку за рейтингами, надо было, в первую очередь, постараться выровнять стартовые условия (для начала, хотя бы по учебной нагрузке). Сегодня даже университеты, входящие в Проект 5-100, явно уступают ведущим мировым университетам по этим базовым условиям.

Урок второй. Можно вспомнить и русскую пословицу “Не ставь телегу впереди лошади”. Иными словами, качество научных исследований - первично, рейтинги - вторичны. Поэтому, в первую очередь, следует создать условия, при которых у российских преподавателей появится возможность проводить качественные и прорывные научные исследования. Когда будут они, тогда и рейтинги придут!

При этом исследования должны планироваться с обязательным представлением их результатов на престижных международных конференциях (для участия в них должно выделяться соответствующее финансирование) и с дальнейшей публикацией переработанных и дополненных докладов конференций в виде статей в серьезных журналах.

И наконец, третий и главный урок в том, что российская вузовская наука оказалась загнанной в угол, а российские преподаватели поставлены в такие условия, когда в бездарной гонке (наука все-таки не спорт!) за рейтингами им приходится жертвовать качеством научных работ и своей репутацией ученого. А ведь репутация - одна из ключевых составляющих человеческого капитала, важность которого впервые озвучил в своем недавнем послании Федеральному собранию Президент РФ.